

2) при народженні його концептуальна структура вибудовується шляхом профілювання окремого фрагменту із загальної структури знання про національно-культурну реальність, що мотивує значення алюзивної одиниці, тобто виступає її внутрішньою формою. Отже, саме культурна значимість відрізняє значення подібних мовних одиниць. Специфіка ж їх внутрішньої форми, на відміну від внутрішньої форми одиниць типу *вікно*, *подушка*, *пароплав*, полягає у її так би мовити «дискурсивності», інформаційній складності, оскільки вона часто має вигляд великого фрагменту реального (біографія, історична подія) чи цілого можливого світу (казка, міф) з власними мешканцями та логікою. Як і будь-яка інша мовна одиниця вторинної номінації, одиниця, утворена в результаті алюзивної номінації, має потенційну здатність втратити з плином часу свою внутрішню форму і перетворитися на одиницю із затемненою мотивацією, чому перешкоджає підтримання загального культурного рівня мовної спільноти;

3) завдяки дискурсивності внутрішньої форми алюзивних одиниць вони відкривають доступ до великого масиву знань, що найчастіше зберігаються у ККС лінгвоспільноти у вигляді текстів з усією притаманною їм специфікою. Це має своїм результатом яскраву образність аналізованих слів, яка може бути як статичною, наприклад, *cornucopia* «*ріг достатку*» [17], так і динамічною: *cut / untie the Gordian knot* «*знайти вихід зі складної ситуації, вживши радикальних заходів*» [17];

4) когнітивною підставою значення алюзивної одиниці є «механізм гіперпосилання», який запускається після сприйняття її тіла. Здійснюється пошук у ККС індивіда інформації, що асоціюється зі відомими фрагментами значення знака, або з вірогідними допущеннями про це значення. Зазначена інформація зберігається у різних форматах, а її композиція утворює складний за своєю структурою когнітивний контекст інтерпретації алюзії, який частково детермінує процес інференції – виводу нового знання на основі наявних даних. В результаті робиться висновок про можливе значення алюзивної одиниці, причому вірогідність правильної інтерпретації залежить від обсягу активованого когнітивного контексту, який тим більше, чим насиченішою є ККС інтерпретатора, тобто чим більшим є обсяг інформації, що потрапив із колективної свідомості в індивідуальну.

Зазначені моменти є висновками, які зроблені при першому наближенні до проблеми мовної алюзії в сучасній англійській мові і, звісно, потребують подальшої розробки та верифікації. Перш за все, перспективним бачиться встановлення повного корпусу зафіксованих сучасними лексикографічними джерелами алюзивних одиниць, їх класифікація, встановлення тих тематичних фрагментів ККС англійської мовної спільноти, які є донорами внутрішніх форм указаних одиниць англійського лексикону, а також подальший аналіз когнітивної та концептуальної семантики останніх.

Джерела та література:

1. Бадевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики. – К.: Видавничий центр «Академія», 2004. – 344 с.
2. Бодльєв Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамбовск. ун-та, 2000. – 123 с.
3. Васильєва О. Г. Концептуальна семантика субстантивних композитів-бахуврихі (на матеріалі антропосемічної лексики сучасної англійської мови): Дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. – К., 2006. – 265 с.
4. Герасимов В. И., Петров В. В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 5-11.
5. Гипертекст // Энциклопедия веб-терминов // <http://ideefixe.ru/pedia/all/?idn=78>
6. Дронова Е. М. Интертекстуальность и аллюзия: проблема соотношения // Язык, коммуникация и социальная среда. – Выпуск 3. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 92-96.
7. Новый большой англо-русский словарь: В 3 т. / Сост.: Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова и др. – 8-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2003. – Т. 1. – 832 с.
8. Рижкова В. В. Реалізація категорії інтертекстуальності в американському художньому тексті XIX-XX століть: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04: Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2004. – 20 с.
9. Тютенко А. А. Структура і функції алюзії в пресі Німеччини, Австрії та Швейцарії: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2000. – 20 с.
10. Философский словарь // http://mirslavarej.com/content_fil/INTERTEKSTUALNOST-1371.html
11. Allwood J. Meaning potentials and context: some consequences for the analysis of variation of meaning // Cognitive Approaches to Lexical Semantics. – Berlin-N.Y.: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 29-66.
12. Bierwiazzonek B. A Cognitive Study of the Concept of LOVE in English. – Katowice: Wydawnictwo Slaskiego, 2002. – 225 p.
13. Bluebeard // <http://en.wikipedia.org/wiki/Bluebeard>
14. Dryasdust // <http://en.wikipedia.org/wiki/Dryasdust>
15. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. – Stanford, California: Stanford University Press, 1987. – Vol. 1: Theoretical prerequisites. – 516 p.
16. Macmillan English Dictionary / Ed. by M. Rundell. – Fifth edition. – Oxford: Bloomsbury Publishing Plc., 2002. – 1692 p.
17. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – 7-th edition on CD-rom.

Венжинович Н. Ф.

О КОГНИТИВНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ

В теоретической фразеологии и практике фразеологических описаний ориентация на переход от позитивного знания к глубинному на путях целостного и разноаспектного постижения языка как антропологического феномена находит свое отражение в попытках сегодня рассмотреть фразеологические единицы в свете когнитивной лингвистики. Цель статьи – рассмотреть основные взгляды отечественных и зарубежных ученых на поставленную проблему.

Термин *когниция* (англ. *cognition*) не находит однозначного перевода на русский язык, поскольку он по своему содержанию отличается от наиболее близкого ему русскоязычного термина *познание*. Е. С. Кубрякова отмечает, что английское существительное *cognition* является глагольным и может называться как процесс приобретения знаний – познание, так и его результат – само знание [2, с. 35]. Поэтому в современной лингвистической литературе термин *когниция* используется для совокупного обозначения процесса приобретения знания, т. е. познания и его результата, т. е. знания [6, с. 6]. Понятие *когнитивная структура* при

этом рассматривается как схема репрезентации знания, которое складывается из вербализованных и невербализованных знаний [1, с. 10].

Фразеологическая единица, будучи языковым знаком, является «хранителем» наших сведений о мире и рассматривается как «носитель» информации, особой структуры знания. При этом, как указывает В. Н. Телия, в диалектическом единстве формы и содержания ведущим является все то же содержание, т.е. способность знака обеспечивать информацию о мире – как внешнем для человека, так и внутреннем для него [7, с. 154]. Отсюда следует, что содержательное пространство фразеологической единицы, охватывающее результативное значение и внутреннюю форму, как значение исходного сочетания слов образует единую когнитивную структуру, основу которой составляет когнитивный уровень значения и когнитивный уровень внутренней формы.

Как известно, в рамках когнитивной лингвистики значение рассматривается как наличие разновидностей знания и опыта, зафиксированного в языке и отражающего совокупность человеческой деятельности. Когнитивисты отказываются от узкого понимания значения как совокупности основных и наиболее существенных признаков обозначаемого, необходимых для его идентификации. Значение включает в себя весь комплекс знаний об обозначаемом, в том числе потенциальные и ассоциативные признаки. Кроме этого, в когнитивной лингвистике постулируется невозможность строгого разделения языковой и энциклопедической информации вследствие того, что между ними нельзя провести линию разграничения таким образом, чтобы можно было с уверенностью сказать, что определение по одну сторону границы принадлежит семантике, а по другую – грамматике [8]. В этой интерпретации когнитивной семантики значение тесно связывается со знанием.

Второй важной чертой когнитивной семантики является опора на вещный, телесный опыт общения человека с миром, попытка установить значимость и конкретный характер простейшей категоризации того, с кем вступает в контакт человек при восприятии им мира и как происходит его структурирование в простейших типах человеческой деятельности.

Третьей не менее важной чертой когнитивной семантики является выдвигание в ней целой серии понятий, отвечающих на вопрос о приемах или способах этой структуриации, о том, как осуществляет мыслительную деятельность человек и какое место в ней отведено языку. Множественность этих понятий объясняется как объективной сложностью человеческого сознания, так и тем, что когнитивная семантика, как и когнитивная лингвистика в целом представлена множеством индивидуальных теорий.

И, наконец, четвертой чертой когнитивной семантики является ее стремление выйти через детальный анализ языковых форм со своей спецификой «упаковки» в них человеческих знаний и пониманию того, как работает человеческий разум [3].

Основное различие когнитивной семантики от традиционной состоит в том, что в рамках когнитивного подхода лингвисты стремятся объяснить языковые явления с помощью обращения к другим когнитивным системам. В традиционной семантике не ставится задача постижения глубинной природы языка, включая и объяснение самой картины мира, ее природы, состава, особенностей функционирования в разных сферах коммуникации.

Исходя из того, что значение фразеологической единицы становится понятным только в контексте других когнитивных структур и блоков знаний, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание, мы рассматриваем ее как фигуру на фоне некоторой базовой для нее структуры знаний. В этой связи мы полностью разделяем точку зрения В. Н. Телия о том, что фразеологическая единица имеет референцию «не прямо» к миру, а всегда через фреймовое включение, которое является посредником между значением языковой единицы и выполнением ею знаковой функции [7, с. 8]. Именно такое понимание фразеологизма принадлежит когнитивной парадигме, активно развиваемой в настоящее время прежде всего в разработке проблемы искусственного интеллекта, когнитивной психологии и лингвистики. Фразеологизм наделен способностью указывать на мир своим значением, которое «встраивается» в структуры знания о мире – в виде «категоризирующих» и «сценарных» знаний, причем первые «упаковываются» в классифицирующий фрейм, а вторые – в ситуативный.

Изучение когнитивного подхода к исследованию фразеологических единиц дает возможность вскрыть диффузность когнитивных структур, которые могут делиться на множество мелких структур и входить в более крупные образования. Исходя из этого, нужно учитывать когнитивные структуры, соотнесенные с одной фразеологической единицей и с их тематическими микро- и макрогруппами как в пределах одного языка, так и в межъязыковом плане. Метафора и метонимия – не просто тропы, это когнитивные инструменты познания человеком окружающей действительности, основанные на его способности соизмерять и ассоциировать разные категории в соответствии с приобретенным им масштабом знаний и представлений. В таком понимании они выступают не только как стилистические приемы, а как важные механизмы восприятия и познания, актуализирующие концептуальную аналогию нового явления с уже сложившейся системой понятий внутри той или иной метафорической парадигмы. Кроме этого, они служат движущей силой в создании фразеологических единиц. Воспринимая фразеологические единицы, мы начинаем задумываться над реальностью или нереальностью ситуаций, лежащих в основе их образности, разгадываем, какие из свойств обозначаемого предмета послужили причиной их возникновения. Постигнув их значение, мы определяем метафорический или метонимический стержень, на котором они создавались. Таким образом, в рамках когнитивного подхода под метафорой и метонимией понимают структурирование одного понятия в терминах другого.

Когнитивный метод исследования метафор играет важную роль в изучении метафорических значений как отдельных слов, так и фразеологических единиц. Так, например, мы понимаем фразеологическую единицу *let of stream* – «дать выход своим чувствам (выпустить пары)», так как в ее основе лежит концептуальная метафора, представляющая наш разум в виде контейнера (*countainer*), который структурирует наш физический опыт, русск. *выйти из себя* и др. Эти и им подобные примеры свидетельствуют о том, что процесс метафоризации происходит в соответствии с некоторыми когнитивными моделями, задающими возможные пути взаимодействия фреймов, т.е. определяют отбор признаков, явлений и представлений о них, которые становятся основой переносного значения.

Суть когнитивной концепции метафоры составляет признание того факта, что метафора играет основополагающую роль в концептуализации реальности. Однако когнитивная система, формирующая мышление и деятельность человека, не осознается нами. В большинстве случаев мы думаем и действуем более или менее автоматически, в соответствии с определенными схемами. Поскольку речевое общение базируется на той же когнитивной системе, что и мышление и деятельность, то язык выступает одним из основных источников информации об этой системе [4]. План содержания фразеологической единицы и метафоры, а также закрепленные за ними культурные коннотации сами становятся знанием, то есть источником когнитивного освоения. Именно поэтому фразеологизмы и образно-мотивированные слова (метафоры) становятся экспонентами культурных знаков. Свойственное метафоре сближение разнородных явлений осуществляется вместе со способом видения мира, его языковой картиной мира, за которой могут стоять лингвистически разные понятия (различие в метафоризации разнородных единиц, включая и фразеологические; различие семантических полей, являющихся базой для метафор-идиом).

Проблемы метафоры продолжают привлекать внимание исследователей не только с точки зрения взаимодействия мышления, языка и деятельности человека, но и с позиций «вхождения» в концептуальную картину мира. Особое внимание сегодня уделяется тому аспекту метафоризации, который связан с образованием культурных концептов, то есть «технологии» и «модели» «смыслопроизводства». Результаты последних исследований позволяют предположить, что метафора активно участвует в формировании личностной модели мира, играет крайне важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия [5, с. 135]. Однако до сих пор не существует однозначного ответа на вопрос о том, является ли метафора языковым, дискурсивным или концептуальным образованием. Несмотря на все еще преобладающую точку зрения на метафору как на языковое явление, сегодня все чаще делаются высказывания о метафоре как о концептуальном феномене, исходя из того, что репрезентация метафоры осуществляется на двух принципиально новых уровнях – пропозициональном и образно-ассоциативном. Нашедшие экспериментальное подтверждение в последнее время, такие взгляды на метафору свидетельствуют о существенной роли культурной среды, предшествующего опыта (практических навыков) и телесной организации человека в структурировании ментальных процессов. Все это не дает оснований относиться к естественному языку как к единственному средству концептуальной организации мышления, что в свою очередь означает невозможность получения полной информации о метафоре посредством изучения одного лишь языка.

В заключение отметим, что кроме номинативной, образной и экспрессивной функции, метафора выполняет в языке и так называемую концептуальную функцию, которая основывается на ее способности формировать новые концепты, исходя из уже сформированных понятий.

Наиболее ярко концептуальная роль метафоры проявляется в обозначении «непредметных сущностей» с помощью фразеологических единиц типа русск. *повернуть колесо истории вспять (назад)*, англ. *to turn back the clock of history (the hands of time)*; русск. *на худой конец*, англ. *if (the) worst comes to (the) worst*; русск. *откинуть (отбросить) коньки*, англ. *to kick the bucket* и т. п., образующих так называемое «фразеологическое пространство», содержащее такие концепты, которые в процессе метафоризации испытали своеобразное переосмысление и развитие.

Изложенные выше материалы представляются нам перспективными для разработки в будущих исследованиях.

Литература

1. Иванова Е. В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). – СПб., 2002. – 334 с.
2. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика- психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34-47.
3. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1999. – Т. 58. – 5-6. – С. 3-12.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387-415.
5. Петров В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 63-72.
6. Скребицова Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики. – СПб., 2000. – 204 с.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.
8. Langacker R.W. A View of Linguistic Semantics // Topics in Cognitive Linguistics. – Amsterdam: Benjamins, 1988. – P. 49-90.

Вержанская О. Н.

ПРИНЦИП ЖАНРОВОСТИ ИЛИ МЕТАМОРФОЗЫ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

Одной из центральных тем философских исследований последней четверти XX века стала тема взаимосвязи философии и литературы, своеобразное теоретическое осмысление явления литературоцентризма. Сближение современной литературы и философии обусловлено изменением способов наррации. Классический философский принцип референции текста к реальности утратил для современной философии свое значение. В творческом наследии Ж.-Ф. Лиотара, Ж.-Л. Нанси, Р. Барта, М. Фуко мы все больше прослеживаем идею философии как особого литературного жанра. Принцип жанровости окончательно соединил современную философию и литературу в единую сферу саморефлексии культуры. В этой связи обострилась необходимость исследования форм современного философского текста.

Основной прорыв в исследовании изменений форм современного философского текста был сделан во второй половине XX века представителями французского постструктурализма Р. Бартом, М. Фуко, Ж. Деррида, Ю. Кристевой. Именно эти авторы стали основными разработчиками «постструктуралистской теории текста». Изучение и эксперименты с текстуальными стратегиями привели к определению общих понятий «текст», «дискурсивные системы», «нарратив».

Отечественное научное сообщество со значительным опозданием подключилось к исследованию данной темы. Это объясняется сменой идеологического климата и возвращением философии в нормальное